

ТЮЗ НА ПОРОГЕ НОВОГО СЕЗОНА

Начавшись голголемским «Ревизором», тюзюсине премьеры последнего сезона завершаются сказкой для младших школьников «Анчутка» (по пьесе В. Метальникова), а между ними были «Чудеса в синих джунглях» А. Коркина, «Гуанаонд в небе мчитесь» А. Хмелина, «Наследство» Н. Самохина и студенческий спланталь «Старший сын» по пьесе А. Вампилова. При всем разнообразии и несхожести этих произве-

дений можно говорить об определенном стиле тюзюсина спланталь, о единстве подхода и материалу и о творческом лице театра — в той мере, «естественно, в какой оно являлось зрителям. Единство это определяется не только волей постановщика — кроме главного режиссера ТЮЗа Л. С. Белова, в этой роли выступали Г. А. Шустер («Старший сын») и В. В. Кузьмин, поставивший пьесу А. Хмелина.

В «Ревизоре» наиважнейшим оказывается grotesque видение мира горюющих и хлестановых, а «Наследство» — тема духовной красоты старой крестьянки, в «Анчутке» — понимание истинной человечности. Л. С. Белов — режиссер думающий, ищущий, умеющий передать свою мысль сценическими средствами. «Ревизор» упоенный в том, что режиссер воплотил на сцене мысли современных литературоведов: мне представляется, что именно в этом — заслуга постановщика, учитывающего лучшие достижения критической мысли. Недаром именно «Ревизор» увенчался лучшей актерской работой сезона — Хлестановым в исполнении С. Петрова.

Смелостью было в «Наследстве» обратиться к молодому зрителю с показом не раздельно-капельной программы, а горя человеческого, которое ни мнует никого в жизни. Однако рецензенты уже отмечали гнет трагизма, который заглушает основную идею спектакля — о наследовании детьми и внуками всего доброго, светлого, чистого, что завешано ушедшими. Спектакль оказывается одноплановым, главная идея ясна зрителю уже к середине его; мудрые мысли, звучащие со сцены, оборачиваются чистой дидактикой, не задевающей молодое сердце. Это, на мой взгляд, в значительной ме-

ре связано с трактовкой образа бабушки: попытка воплотить женшлупу-символ, лишенную признаков возраста и привязанности к земному, не кажется убедительной, не всегда правильные, своеобразные обороты речи старой крестьянки в повести полны личным чувством, а в спектакле звучат ипородным словом в устах дамы интеллигентного вида, какой предстает бабушка в исполнении Т. Котыржинской. Да и характер юного героя Мухи несет в себе черты той же открытой дидактики, которая недопустима на театральных подмостках.

Конечно, театр должен быть учителем жизни, но он учит думать именно тогда, когда зритель этого не замечает. Именно этим привлекает последняя сказка — «Анчутка». Волшебное превращение лесного чудовища в милую девушку, талантливо показанное Т. Бисеровой, не так уж и волшебное, потому что человека создают прежде всего человеческие чувства — стыд, совесть, любовь, самоотверженность. И спектакль говорит об этом, не говорит без пафоса, вызывая в зале и смех, и страстное внимание. Можно, конечно, отметить какие-то просчеты (так, лирическая линия здесь несколько слабее, чем «слышана»), но в целом юный зритель получит вполне яркий, увлекательный спектакль.

И зрителям же постарше

ТЮЗу пора обращаться к более серьезным проблемам. И созданием этого не произошло в сплантале «Гуанаонд в небе мчитесь». Милый спланталь, добрый и веселый, хорошо принимается зрительным залом. Однако главная тема пьесы А. Хмелина — право молодого человека на мечту, за которое надо бороться, — дана без должной глубины и драматизма, почти не затрагивает чувства и мысли молодежи. Даже тема зарождающейся юношеской любви, способной творить чудеса, здесь почти не звучит. Развлечение превалирует в сплантале над всем остальным: бездумное использование волевыми приемами и созданием одноплановых характеров. Может быть, стоило смелее идти до конца и представить нам героев, как своеобразные волевыми масками, что в какой-то мере попытался сделать В. Буланкин? Беда спланталь — именно в нечеткости позиций, которую занял постановщик. По настоящему хорош здесь только главный герой — Вася Лопухин, которого прекрасно играет А. Зенгичев: юное лицо и глаза мечтателя, способность передать тончайшие душевные движения и переживания, искренность и правда изображаемых чувств. Дебют этого артиста является несомненной удачей.

Серьезный материал, положенный в основу театрального спектакля, серьезная мысль и серьезное чувство всегда благодарно встречаются зрительным залом. Это четко видно на «Старшем сыне» А. Вампилова. Постановщик как дипломат работы, спектакль вошел в основной репертуар прежде всего благодаря своему успеху у зрителя, который нашел в нем отражение собственных проб-

лем: злые юношеские шутки героев сочетаются с тягой к добру и справедливости, честность и глубина чувства противопоставлены легкой бездумной жизни. Молодые артисты, играющие своих современников, живут их чувствами и мечтами. Можно отметить песенную удачу Ю. Александра в роли Сильвы, Т. Классина — Иппа, С. Голобородова — Бусягина. Несколькими сконами Н. Бочарникова в роли Макарьской, песню, как могла эта женщина пленить юного Васеньку, хорошо сыгранного Н. Тимофеевым.

Последний сезон ТЮЗа был интересен поисками новых путей театрального искусства, новых авторов и актерских стилей. В театр пришло способное молодое пополнение. Главной, по-видимому, остается и в будущем проблема репертуара — высокая классическая драматургия, как классической, так и современной, которая дает возможность развиться и постановщикам, а артистам.

Эта проблема особенно важна в преддверии открытия нового театра: прекрасное здание ТЮЗа, которого ждут все новосибирцы, создаст своеобразную среду и в настоящее время идет на создание там, что годятся ли они для новой большой сцены? Все это покажет будущее. Пока же хочется пожелать о том, что наряду с большими театральными достижениями, которые рассчитаны на тысячную аудиторию, нельзя забывать о пьесах психологических, воспитывающих чувства молодой публики. Может быть, поместим и о опытной сцене (ведь есть уже опыт в других театрах). Она не помешает и театру юных зрителей в Новосибирске.

Е. РОМОДАНОВСКАЯ.

Наибольший интерес и споры критиков вызвали две премьеры сезона: «Ревизор» Н. Гоголя и «Наследство» Н. Самохина. Их объединяет смелость режиссерского замысла, направленного на преодоление трудности исходного материала. Если постановка «Ревизора» — только потому, что голголемский шедевр тесно связан с полустороннею традицией русского театра, а кажущийся исполнить имеет перед собой десятки блестящих образов, вернуться к простому портрету, из которых легче всего, то «Наследство» создавалось самим театром в прямом контакте с драматургом, писавшим пьесу на основе собственной предположительной повести, в трудности состояла прежде всего в ее драматизации. В «Наследстве» постановщик приложил руку не только к спектаклю, но и к его литературной основе, вошедшей в изданный драматургом, размышляя над соответственностью повести-первоисточника и спектакля, отбирая элементы, которые позволили бы создать сплантальный жанр, сам по себе подобный

опыт можно только приветствовать.

Не менее смело «Ревизор» дополнен рядом неких песен, помогающих пониманию пьесы: ради этого действие выведено из традиционных «комнатных» границ (дома горюющих или трактира) на улицы уездного города, где зритель видит больных, измученных на земных и земных боготворных заветов, пьяного городского, солдат, мешая, уездных барышень — кажая из мннатор этого плана является итогом внимательного чтения голголемского текста. Правда, временами увлечение этой стороной спектакля оборачивается перегруженностью его мелкими деталями. Впрочем, это не мешает отплатить должное изобретательности режиссера, сказавшейся — в большей или меньшей степени — во всех постановках Белова. Особенно разносторонне в «Анчутке», где шумная юная лесная обитательница (Котыржинская, хлесталок, мотнатик) искренне веселит зрительный зал.

Однако изобретательность режиссера не является самоцелью, она, как правило, связана со стремлением реализовать сверхплату спланталь.